

362 год эры Тяньци. Империя Тяньци потерпела сокрушительное поражение от Северного Ляна.

Зимой того же года победители потребовали дань: сотни тысяч мешков зерна, миллионы лянов серебра и бесчисленные сокровища. Кроме того, требовалось отправить сто тысяч человек на рабский труд — их называли не иначе как человеческим скотом, — а десять тысяч девушек должны были пополнить ряды военных наложниц, что официально именовалось женской данью.

Начало зимы выдалось аномально холодным. Ледяной ветер пронизывал до костей, дождь со снегом не прекращались ни на минуту.

Динчжоу, уезд Хуайань, деревня Чэнь.

— Старик, ты куда собрался?

— Эх, сегодня последний день подачи списков, а семья Чэнь-третьего всё еще не отчиталась. Иду проверить, в чем дело.

— Не ходи туда! Бедная мать и трое детей, ведь это их последнее расставание, больше им не свидеться! Оставь их, пусть побудут вместе напоследок.

— Да уж, эта девчонка... Нашла же на свою голову такого повесу! Мало того что отца погубила, так теперь еще и себя с братом и сестрой в могилу тянет!

— Разве не говорили, что можно откупиться десятью мешками зерна или десятью лянами серебра, чтобы вычеркнуть одного человека из списка? Почему же они даже одного ребенка спасти не могут?

— Эх, девчонка эта перешла дорогу влиятельному человеку, где уж тут ждать пощады...

На окраине деревни стояла одинокая покосившаяся хижина — дом Чэнь-третьего.

Внутри четверо сидели вокруг стола в гнетущей тишине. Сегодня нужно было решить, кто из сестер отправится в отряд военных наложниц, а кому из оставшихся предстоит разделить участь рабов.

Спустя долгое время девушка в красном платье приоткрыла губы. Ее голос, чистый, как серебряный колокольчик, прозвучал с упрямыми нотками:

— Мама, пусть пойду я! Это я натворила бед, мне и отвечать!

Не успела она договорить, как девушка в желтом платье поспешно перебила ее:

— Мама, сестренка, если судить по способностям, я самая бесполезная. Лучше позвольте мне пойти! — Голос этой девушки был мелодичным и нежным, словно пение иволги.

Мать, чье лицо уже давно заливали слезы, всхлипнула:

— Эта так называемая женская дань — лишь красивое название, на деле же это солдатские потаскухи! Как же вы хотите, чтобы я выбрала?

Младшая из детей, Чэнь Янь, прижалась к матери, потянувшись маленькими ручками и принялась бережно вытирать слезы с ее щек. Она прошептала, пытаясь утешить:

— Мама, в любом случае придется выбирать между мной и сестрой! Из двух зол выбирают меньшее. Сестра Чэнь Фэй защитит брата, и он останется в безопасности. Пожертвовать мной одной лучше, чем нам троим идти на тот свет!

Чэнь Фэй криво усмехнулась, опустив глаза, чтобы не смотреть на родных. Она сжала кулаки, терзаясь чувством вины:

— Это все моя вина! Если бы не я...

Она ненавидела себя за то, что пошла в тот день в город, и еще больше ненавидела за то, что не сдержала рук и избила тех двух повес. Иначе отец не пострадал бы, а семья не оказалась бы загнана в тупик.

Чэнь Янь, сдерживая рыдания, проговорила:

— Сестра! Перестань спорить! Мама, ты ведь знаешь, кого выбрать.

И правда, госпожа Линь знала. Старшая дочь с детства обучалась боевым искусствам, сын обладал выдающимся умом. Лишь младшая дочь была избалована всей семьей, она уступала брату и сестре во всем.

Пожертвовать Чэнь Янь было самым разумным решением. По крайней мере, Чэнь Фэй и Чэнь Буи смогли бы выжить. В противном же случае никто из детей не избежал бы смерти.

Но ведь каждый ребенок — плоть от плоти ее! Как вырвать кусок из собственного сердца?

Когда Чэнь Фэй хотела что-то добавить, госпожа Линь, чувствуя, как сердце сжимается от боли, закрыла лицо руками и зарыдала:

— Пусть идет Янь-эр!

Чэнь Янь, несмотря на слезы, улыбнулась ярко, как зимнее солнце или весенний цветок. Она поднялась, собираясь выйти:

— Пойду скажу старосте.

— Постой!

Раздался чистый и спокойный мужской голос. Все трое посмотрели на единственного мужчину в доме.

Чэнь Буи больше не сидел, как обычно, с прямой спиной. Он ссутулился, опершись локтями на колени и спрятав лицо в ладонях. Его костяшки побелели, а сам он казался совершенно лишенным жизни.

Он медленно выпрямился, поднял голову, и в его взгляде читалась решимость:

— Сестра, младшая, прекратите споры! Вы — женщины, как вы можете вынести такие унижения и жестокость? Если уж кому суждено умереть, то мне, мужчине. Разве может быть так, чтобы сестры прятались за моей спиной? Если есть возможность, я готов пойти в женскую дань.

— Что за глупости! — Госпожа Линь покраснела, ее глаза гневно сверкнули. Она резко вскочила, излучая такую ярость, что трудно было поверить, что это та самая мягкая и добрая женщина.

Она указала пальцем на сына, и ее голос дрожал от негодования:

— И-эр, ты хоть понимаешь, что говоришь?

Чэнь Буи слегка улыбнулся, и эта улыбка, подобно весеннему ветру над спокойной водой, принесла странное успокоение:

— Понимаю.

Глаза госпожи Линь покраснели и опухли, но гнев пока не давал слезам пролиться:

— Пойти в армейский лагерь военным наложником? Ты что, с ума сошел?

Чэнь Буи поспешно встал, подошел к матери и поддержал ее, когда она пошатнулась от волнения:

— Мама, мы в безвыходном положении. Сейчас единственный шанс — это рискнуть всем, чтобы попытаться выжить там, где выжить невозможно.

Госпожа Линь, едва не лишившись чувств, опустилась на стул. Ее голос был полон отчаяния:

— Ты же идешь на верную смерть!

— Нет! Ни за что! — Чэнь Фэй решительно возразила, ее тон был тверд, как сталь. — Это я заварила кашу, из-за меня пострадал отец, как я могу позволить тебе идти на смерть вместо меня?

Чэнь Янь в ужасе распахнула глаза:

— Брат, кто угодно, только не ты! Ты единственный мужчина в нашей семье, ты должен продолжить род!

Чэнь Буи не хотел, чтобы сестры подверглись такому позору, но иного выхода не видел, кроме как заменить их собой.

Заменить ценой собственной жизни?

В голове Чэнь Буи внезапно мелькнула мысль. Его брови взметнулись вверх, и в голову пришла безумная, дерзкая идея.

Он наконец улыбнулся:

— Я могу переодеться в женщину и выдать себя за нее!

Как только эти слова сорвались с его губ, все трое застыли в оцепенении.

Переодеться женщиной? Выдать себя за другого? Да это же неслыханный абсурд!

Спустя долгое время госпожа Линь, вцепившись в край стола, бессильно проговорила:

— И-эр! Ты понимаешь последствия? Такого еще никогда не было в истории!

— Понимаю, — голос Чэнь Буи звучал мягко, словно он пытался всех успокоить. — Мама, именно потому, что это так шокирующе и небывало, никто и не догадается.

Чэнь Фэй в тревоге выпалила:

— А-И, даже если ты проберешься в отряд, что будет, когда вы доберетесь до лагеря? Что ты будешь делать тогда?

Чэнь Буи немного подумал, и план созрел:

— Снова стану мужчиной. Найду возможность влиться в ряды солдат и при первой же возможности сбегу.

Женщины переглянулись. Возможно ли это?

Возможно! В женской дани десять тысяч человек. Среди такой толпы, действуя скрытно и расчетливо, можно найти шанс на спасение.

На лицах матери и дочерей появилась слабая надежда. Сердца забились чаще.

Чэнь Буи, будучи единственным сыном в семье, с детства отличался острым умом и всегда сохранял хладнокровие в опасных ситуациях.

Если для сестер это была верная гибель, то у Чэнь Буи был шанс пятьдесят на пятьдесят. А если повезет...

Госпожу Линь охватило волнение. Это означало, что ни один из ее детей может не погибнуть!

Эта радость пришла так внезапно, словно дождь после долгой засухи. Она закрыла лицо руками и заплакала, но уже от облегчения. Сестры тоже выдохнули — кому хочется умирать, если есть шанс выжить?

Госпожа Линь понимала, насколько велик риск, но другого пути не было. После мучительных раздумий она медленно кивнула.

Чэнь Буи почувствовал, как напряжение, сковывавшее его, наконец отступило. Он глубоко вздохнул — раз мать дала согласие, значит, сестра и младшая будут в безопасности.

— Второй брат, ты правда сможешь притвориться женщиной? — Чэнь Янь смотрела на него с недоверием.

В ее памяти брат был мягким и спокойным, но в его поведении никогда не было женственности.

Чэнь Буи щелкнул ее по носу с лукавой улыбкой:

— Хе-хе, у твоего брата есть свои хитрости!

На самом деле, этот план был лишь внезапным озарением, брошенным в сердцах. Он прекрасно понимал, что воплотить его в жизнь будет в сотни раз сложнее, чем сказать.

Но он был вынужден притворяться спокойным, чтобы взять этот груз на себя.

<http://bllate.org/book/21263/2153537>